Намеки на религию тут не случайны: предшественник Кольмана на этом посту Д. Ф. Егоров был известен своей религиозностью, хотя претензии властей к нему, конечно, не сводились только к этому. Реорганизация математических институтов обернулась репрессиями против математиков, причем, заметим, некоторые последствия этих репрессий были пересмотрены лишь совсем недавно (о чем упоминают в своей краткой реплике авторы обсуждаемой книги Л. Грэхэм и Ж.-М. Кантор) или пока не пересмотрены вообще. Такая медлительность в общем-то и не удивительна: политические институты в исторических вопросах всегда отстают от научных исследований исторических институтов, а успехов на этом направлении пока немного ². Книга Грэхэма и Кантора, безусловно, если и не самый первый, то самый яркий.

Это, однако, не означает, что она безупречна. Презентации русского ее перевода в Москве состоялись на книжной выставке «Нон фикшн'11», а потом в библиотеке «Дом Лосева» 12 декабря 2011 г. Прошли они также в Санкт-Петербурге и Новосибирске. В адрес авторов было высказано немало критических замечаний, и для того, чтобы дать о них представление, редакция первоначально намеревалась опубликовать стенограмму заседания в «Доме Лосева». От этих планов пришлось отказаться, но, узнав о них, некоторые не попавшие на заседание предполагавшиеся докладчики прислали тексты своих несостоявшихся выступлений, в которых достаточно полно отражены как слабые, так и сильные стороны книги. И с ними, в отличие от стенограммы, читатели ВИЕТ имеют возможность ознакомиться.

Вик. П. ВИЗГИН

ИМЕНУЯ БЕСКОНЕЧНОСТЬ

Два года назад на Западе вышла книга *Naming Infinity*¹. Ее авторы – Лорен Грэхэм, известный историк математики из Массачусетского технологического института, и Жан-Мишель Кантор, молодой французский математик и историк науки. Год назад я видел эту книгу у С. С. Демидова. И хотел взять у него почитать, ибо она, как я понял тогда после беглого просмотра, посвящена связи имяславия с математическим творчеством и уже тем самым признает вклад русской религиозной традиции в мировую науку. Теперь эта книга издана в русском переводе, и я ее с интересом прочитал, оторвавшись от занятий французской философией. Написана она со вкусом, живо и интересно, в манере продуманного «досье» по теме. Правда, ожидаемого анализа религиоз

² Только в 2010 г. появилась первая монография, посвященная жизни и деятельности Д. Ф. Егорова. См.: *Колягин Ю. М., Саввина О. А. Дмитрий Федорович Егоров: путь ученого и христианина*. М., 2010.

¹ Теперь она издана в русском переводе: *Грэхэм Л., Кантор Ж.-М. Имена бесконечности: правдивая история о религиозном мистицизме и математическом творчестве*. СПб., 2011.

© Вик. П. Визгин. ВИЕТ. 2012. № 3. С. 119–123.

ного сознания, богословия и философии в их отношении к математическому творчеству в ней, вопреки ожиданию, оказалось слишком мало. Преобладает социологический подход к явлениям интеллектуального творчества. Использованный авторами термин «субъективизм» по отношению к религии и мистике, на мой взгляд, не адекватен сути дела. Авторам нелегко привыкнуть к символическому мистическому реализму русской религиозно-философской традиции. Такую степень христианского платонизма они не готовы принять, хотя проделали в этом направлении огромную, вызывающую уважение работу. Авторы книги долго собирали материал, ездили по различным странам, находили интересные свидетельства и документы, копили обширное «досье» по московской математической школе, продолжавшей, пусть отчасти, французскую «тройку» (Борель, Лебег, Бэр). Кстати, наряду с проблемой воздействия религиозной веры на научное творчество в этой книге другой важной проблемой выступает вопрос о роли национальных стилей в науке, в данном случае в математике. Авторы сопоставляют рациональный стиль математической мысли в картезианской Франции и её более интуитивный и платонистский стиль в православной России.

Книга Грэхэма и Кантора написана ярко, талантливо. И поэтому читается на одном дыхании. Уверен, что ее с интересом будут читать – и уже читают – самые разные люди, не только специалисты по истории математики. Читательский интерес и внимание стимулирует то, что математическое творчество авторы этой книги раскрывают как в самых высоких духовных его измерениях, так и в самых приземленных и обыденных. Математическое творчество предстает в книге открытым всем ветрам – религиозному мистицизму, с одной стороны, и сексуальным аномалиям – с другой. Если попытаться одним словом определить то, о чем в ней рассказывают ее авторы, то можно сказать, что она посвящена *интимной* жизни творчески одаренных математиков. И религиозный аскетизм, и земная «клубничка» входят в интимный пласт жизни выдающихся ученых XX в., будучи таинственными нитями связаны с самим духом математического творчества.

У Александрова и Колмогорова «самыми творческими моментами в математической работе были периоды непосредственно перед плаванием или после него, когда они работали вместе раздетыми» (с. 176). Совместные купания нагишом – языческий гимн беспредельному, наличному в образе океана. Итальянский историк Р. Мондольфо в своем исследовании идеи бесконечности обнаружил ее у греков, вопреки расхожему мнению о ее чуждости греческому духу. Присутствие этой идеи в их культуре он считал обусловленным прежде всего тем, что они были морским народом, *popolo del mare*. Интимная связь моря и бесконечности зафиксирована романтиками (например, в живописи К. Д. Фридрихом, в поэзии – Дж. Леопарди). Греки же считаются антиподами романтиков, народом, давшим образцовую классическую культуру, в которой господствует предел, форма, а не беспредельное с его бесформенностью. Купания в океане – причащение к бесконечности *in vivo*. Понятно, что они не могли не стимулировать интеллектуальное творчество, стремящееся приручить бесконечное с помощью его искусного именованья. Рассказ об уединенных, ритуальных и креативных купаниях на диких берегах Бретани Александрова и Урысона потрясает своим трагизмом. Гибель в волнах океана последнего воспринимается как жертвоприношение Бесконечности, этому математическому божеству. И не случайно, что могилы великого французского романтика виконта Ф.-Р. де Шатобриана и молодого московского математика П. Урысона находятся не так уж далеко друг от друга у суровых бретонских скал, о которые разбиваются волны океана.

Не только плавание, музыка, гомосексуальные отношения и, конечно, уединение стимулируют творческую математическую работу. Быть может, еще важнее стимулирующее излучение мистической религиозной веры. В случае основных представителей московской математической школы, о которых говорится в этой книге, это – имяславие. Выскажусь о том, о чем в книге, на мой взгляд, сказано недостаточно – об имяславии в связи с теорией множеств и математикой в целом, о том, что вынесено в заглавие книги. Философия имени обойдена вниманием авторов. Да, Флоренский и Булгаков украшают обложку книги в ее русском переводе (картина Нестерова). Но ведь о булгаковской философии имени не сказано ничего. И только несколько слов о философии переименования у Флоренского. Но книга стимулирует мысль, вокруг этих сюжетов вращающуюся. Вспоминается горьковский Лука из пьесы «На дне» с его запоминающимся тезисом «во что веришь, то и есть». Георгий Гачев, этот веселый солипсист, любил говорить, что воля и вера – источники реальности. Он при этом умалчивал, что такая реальность есть реальность лишь для субъекта веры и воли (в данном случае для самого Гачева). Его гуманитарная наивность вызывала улыбку. Для привыкшего к естественно-научному объективизму ученого подобные забавы смешны. Но в них есть и зернышко правды. Таинственная связь веры с реальностью действительно существует. Вера как знание может быть и ошибочной. Но без веры знание невозможно. Здесь слово «вера» понимается в смысле «верования» (*belief, croyance*), т. е. более широко, чем религиозная вера. Чувство реальности неотделимо от верований. Скептицизм, усталость и депрессия не могут стимулировать научное творчество, в том числе математическое. А вера может. В том числе (и быть может особенно) – религиозная. И в теории множеств с ее пафосом познания бесконечности религиозное сознание и научное идут навстречу друг другу.

Авторы книги считают, что «подобно тому, как русские имяславцы именовали Бога, русские математики именовали бесконечность и видели между этими двумя действиями аналогию» (с. 182). В конце книги интересно сказано о Гротендике, который рассматривал именование «как

способ ухватить объект до того, как он нам станет понятным» (с. 192). В этом он подобен Н. Н. Лузину. Акт именованья дает только путевку в реальность, но не саму реальность, не ее полноту. Он способствует реализации поименованного. Выражение Лузина в правильной грамматически французской фразе (*nommer, c'est avoir à faire avec un individu*) подчеркивает возникающий при именовании в области знакомого «островок» индивидуального. Дать имя можно индивиду, чему-то неделимому, вещи или деятелю. Акт «именования» не только дает имя тому, что и без него существует так, как будет существовать и после акта его именованья. Нет, в акте именованья есть приглашение к индивидуальной реальности, если не ее полагание. Имя – динамический залог реальности его «носителя». Он может быть реализован, а может и не реализоваться. Но импульс к реальности дает уже сам акт именованья и «ношения» имени.

Вера в абсолютный магизм имени справедливо кажется преувеличением, хотя авторы вслед за своими русскими героями не раз повторяют, что назвать, значит дать реальность названному, что именованье есть созидание самой реальности (с. 98–99). По крайней мере, подчеркивают они, так думали сами имяславцы-математики. Но в конце книги они прямо признают, что «именование не равнозначно творению» (с. 184). Однако и полный номинализм в понимании имени тоже не проходит. Здесь существует динамика, проявляющаяся в степени реализующей функции имени и именованья. Главное ведь – усилие, духовное усилие восхождения, то, что Марсель называл *sursum*, развивая тему мен-де-бирановского и бергсоновского *effort*. Итак, акт наименования, называнья именем призываемого в молитве Бога не создает Его реальности (случай Иисусовой молитвы в исихазме), не полагает Его по сути дела, по *сущности*. Но в акте такого именованья сотрудничают, соработничают *энергии* Бога и человека. Исихаст сливается с Богом по энергии, а не по сущности. Вот об этом у авторов интересной книги ничего не говорится. Аспект синергичности в молитвенном именовании Бога выпал из их анализа. Философская проекция исихазма не рассматривается ими. Авторы действительно далеки от христианской метафизики, как от религиозной философии, так и от богословья. Их позиция по отношению к религии является если и не «материализмом» и «атеизмом», то агностической «феноменологией» и «социологией» явлений духовной культуры, в чем-то близкой к позиции У. Джемса (Джеймса).

Два триумфа соединяются в теме книги: триумф слова (имя) и триумф числа. Теорию множеств можно рассматривать как триумф числа, потому что в ней числом укрощается бесконечное как бесчисленное. Таковы трансфинитные числа. Число демонстрирует могущество своих возможностей, выступая средством оценки мощности бесконечных множеств. Оно способно исчислять неисчислимое, оценивать его. Тем самым в трансфинитных числах число преодолевает само себя, свою собственную ограниченность. Подобным образом слово преодолевает свою ограниченность в словах о несказанном, о том, что недоступно слову. Имена и числа в теории множеств, как в каббале, сближаются. Можно сказать, что математическая теория множеств в чем-то аналогична апофатическому дискурсу в богословии и философии. Существует аналогия между «ведающим неведением» (*docta ignorantia*) и математической теорией множеств.

Авторы книги преодолели самих себя, написав о том, что им было с самого начала совершенно чуждым, – о православном исихазме, о религиозном мистицизме, который вдруг раскрылся в своей значимости для научного творчества в математике.

Чтобы сделать вывод о том, что мистика помогла российским математикам создать дескриптивную теорию множеств, нам пришлось преодолеть свои собственные предубеждения. Мы оба – светские люди, очень далекие от имяславия [...] рациональной мысли мы доверяем больше, чем мистическому вдохновению (с. 184).

Подобное самопреодоление не может не вызывать уважения. Читатель это оценит. Но зачем сравнивать доверие к рациональной мысли с верой в Бога, в ценность мистического постижения высшей реальности? Что мешает одновременно верить и в рациональное рассуждение, и в мистического Бога? Ведь в истории и то, и другое нередко органически соединялись, скажем, в богословии, да и в жизни самих верующих разум и вера сочетаются и сходятся скорее, чем враждуют и исключают друг друга. Почему бы не верить сразу двумя верами, понимая при этом и их неравноправность, отсутствие между ними онтологического паритета? У религиозно ориентированных ученых, каковыми были Флоренский, Егоров, Лузин, вера в Бога не мешала вере

в научный разум. Они их, напротив, соединяли и не чувствовали в том ничего противоестественного. Почему бы и западным математикам не попробовать идти тем же путем, путем великих русских ученых и мыслителей?

Одним важным моментом я бы хотел закончить эти краткие заметки о книге Грэхэма и Кантора. Инструментализировать наше знание о положительной связи религиозного мистицизма с научным творчеством невозможно. Полученное знание такого рода недоступно для своего операционально-методического оформления, отличаясь тем самым от обычного знания о вещах этого мира. Раз мы знаем устойчивые связи явлений (в данном случае положительную связь исихастской мистики с творческим прорывом в теории множеств), то существует соблазн попытаться поставить полученное знание на практические рельсы: сознательно стимулировать научное творчество, например, с помощью распространения религиозной мистики в математическом сообществе. Напрасная трата времени! Явление, исследованное Грэхэмом и Кантором, является уникальным историческим случаем, хотя другие подобные случаи, видимо, существуют. Но инструментализации их «обобщение» остается недоступным в принципе. Вот, что важно осознать. Божественную благодать мы не можем сознательно, рациональным образом «запрячь» в наши земные планы, в рецепты научной политики ради достижения прогресса в научном творчестве. В стабильно работающий «метод» замеченную связь мистики и математики превратить нельзя. Божественное не утилизируемо, оно выше нашего вполне понятного практицизма. Божественное самоценно. Сделать его послушным средством наших стремлений к полезному эффекту нельзя по принципиальным причинам: оно абсолютно самодостаточно, оно просто абсолютно.